ка, государство и право. – 2013. – № 7 (19), июль. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://politika.snauka.ru/2013/07/886.

3. *Зайцев А.В.* Диалогическая модель связи с общественностью: М. Кент и М. Тейлор // Современные научные исследования и инновации. – 2013. – № 7 (27), июль. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://web.snauka.ru/issues/2013/07/25725.

4. *Leeper R.V.* Moral objectivity, Jurgen Habermas's discourse ethics, and public relations // Public Relations Review. – 1996. – Vol. 22. – №2. – P. 133–150.

5. *Pearson R.* A theory of public relations ethics. – Unpublished doctoral thesis. – State University, USA, 1989.

6. *Pearson R.* Business ethics as communication ethics: Public relations practice and the idea of dialogue // Botan C. (ed.) Public relations theory. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1989. – P. 111–131.

7. *Pearson R.* Beyond ethical relativism in public relations: Coorientation, rules, and the idea of communication symmetry // Journal of Public Relations Research. – 1989. – Vol. 1. – № 1. – P. 67–86.

8. *Pearson R.* Reviewing Albert J. Sullivan's theory of public relations ethics // Public Relations Review. – 1989. – Vol. 15. – № 2. – P. 52–62.

УДК 316.33

Кирдяшкин Иван Владимирович
Томский государственный университет
kirdjhkin@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В статье рассматривается связь политической социализации с понятием «контекст», раскрывающаяся через теорию аутопойетических систем немецкого философа Н. Лумана. Делается вывод о том, что «контекст» обретает вид выраженной символически коммуникации, имеющей функцию «соорганизации» сознания молодежи и структур политического мира, а политическая социализация молодежи отлична тем, что «контекст» должен артикулировать потенциальный политический мир.

Ключевые слова: *молодежь, политическая социализация молодежи.*

Актуальность данной проблематики продиктована потребностью российского общества в изучении своих базовых возможностей для воспроизводства себя как целостности, на основе которых оно могло бы строить собственное устойчивое будущее. Это требует формирования научной концепции политической социализации молодежи, которая бы могла ответить на вопрос: как формируется общество и его политическая система, их будущность при условии атомизации, индивидуализации, мультикультурности как ведущих дефиниций современного социума? Фундаментальность проблематики следует также из важности изучения механизмов политической социализации, которые бы эксплицировали целостный характер явления, выражающий его взаимосвязь с разными структурами социально-политического порядка и его источниками.

Теория политической социализации исходит из позиции необходимости вхождения человека в политический мир, его культуру. Исследователи М. Доган и Д. Пеласси формулируют задачи политической социализации как аккультурации – передачи политической культуры, стабилизации общества и «по вертикали» – от поколения к поколению, и «по горизонтали» – между социальными группами [4, с. 111–112]. С позиции Е.Б. Шестопал, политическую социализацию можно рассматривать как процесс включения человека в политическую систему, благодаря которому осуществляется преемственность политических ценностей [11, с. 178]. Постоянным стержнем политической социализации в исследованиях А.И. Щербинина являются ее фундаментальные ценностные основы, напоминающие о сверхценностях политического мира, детерминирующихся особенностями политического времени [12, с. 20]. Политическая социализация определяется Н.А. Головиным как политически релевантный аспект общей социализации [3, с. 30]. Так, исследователи отмечают усиление значимости в политической социализации индивидуальности [6, с. 73].

Между тем указанные подходы можно дополнить рядом теоретических положений, предполагающих несколько допущений в исследовании процессов политической социализации молодежи. В частности, допущением о том, что политическая социализация есть, прежде всего, процесс познания базовых основ политического мира, его культуры и механизм самопознания человека. При этом, в свете характерной для постнеклассической рациональности, значимости «средового» подхода, это положение можно «уточнить» тезисом о том, что познание основывается не на получении знания о политическом мире в «чистом» виде. Познание есть всегда коммуникативно-деятельностная ситуация в окружении, задающая, вероятно, в той или иной мере, и функциональную направленность понимания базовых компонентов политического мира. При этой постановке вопроса о познании полити-

© Кирдяшкин И.В., 2013

ческого мира увеличивается эвристическая значимость изучения «контекста» познания. Изучение «контекста» дает понимание модусов «сопряженности» человека и окружающего мира, роли человека в формировании интенций политической культуры в свете задач адаптации и самовыражения политического мира.

Но как «контекст» влияет на процесс политической социализации? Для ответа обратимся к современной философии. Как отмечает отечественный философ И.Т. Касавин, в ряде течений эпистемологии осознается тесная связь познания с непознавательными контекстами – сознанием в целом, деятельностью и коммуникацией [5, с. 50]. Последняя форма контекста, на наш взгляд, заслуживает особого внимания. Рассмотрение коммуникации как проявления «контекста» политической социализации молодежи дает особую призму ее исследования.

Одним из теоретических оснований этого исследовательского фокуса может стать теория аутопойетических (греч. autos – само; poien – делать, букв. – сам себя делаю) систем Н. Лумана, переводящая проблему «контекста» в ранг проблематики коммуникации как познания, преобразующего реальность. В теории аутопойетических систем Н. Лумана исследуются, прежде всего, отношения человека и общества. Под «закрытостью» Н. Луманом понимается не термодинамическая (физическая) изолированность, а всего лишь оперативно-информационная замкнутость [7, с. 104], то есть зависимость от процедур познания, способов принятия информации человеком или обществом. Это означает «рекурсивное условие возможностей собственных операций, исходя из результатов собственных операций» [8, с. 101]. В теории Н. Лумана системы, среди которых человек и общество, отграничивают себя смыслами. Они являются способами явления объекта наблюдателю в многочисленных модусах восприятия предмета. Система познает мир, различая в нем себя. Смысл соединяет разные формы различения системы во времени. Система, в частности психическая система, конструирует любой смысл посредством другого, определяющего характер восприятия предмета [7, с. 238, 241, 254]. Здесь Н. Луман применяет описание акта, полагающего смысл Э. Гуссерля, обозначаемого через термины ноэзис (как «я мыслю», «я воспринимаю») и ноэма (что «я мыслю и воспринимаю»).

Этот взгляд влечет следующий вывод. Психическая система человека выделяет из окружающего мира во многом только «свое» содержание, но через новые, заново адаптирующие ее смыслы. Поэтому окружающий мир, и соответственно «контекст», через который происходит познание политического мира, у каждого человека разный, образующий различные модусы познания политического мира.

Взаимодействие различных систем, в частности человека и общества, Н. Луман описывает через понятие взаимопроникновения, обозначающее вклад в создание систем со стороны окружающего их мира или принятие во внимание опыта «отсутствующего» [9, с. 289]. Системный вклад взаимопроникающих систем состоит не столько в предоставлении ресурсов, энергии, информации, что возможно. Взаимопроникновение – это глубинная связь не вкладов, а конституций [9, с. 291].

Взаимопроникновение, означающее взаимное содействие, выраженное в соуправлении комплексностью при построении эмерджентной системы, и имеет место в форме коммуникации [9, с. 196]. В теории Н. Лумана коммуникация не определяется в значении передачи или «переноса» сообщения от отправителя получателю. Коммуникация – это отбор, но специфический. «Коммуникация, – пишет исследователь, – выхватывает из любого актуального горизонта указаний, который она же и конституирует, нечто и оставляет в стороне иное…» [9, с. 196].

Теория аутопойетических систем предполагает, что важно объяснить политическую социализацию не как приспособительное поведение, а как построение психической системой новых уровней собственной комплексности. Основной процесс здесь не «перенос» смысловой модели от одной системы к другим, а самореферентная репродукция системы. Чтобы эта репродукция была релевантна обществу как системе ограничений, требуется включение процесса, согласующего позиции. Взаимопроникновение общества и психической системы и реализует такой дополнительный процесс, как коммуникация, совершающая отбор комплементарных им «событий» и элементов информации.

В этом отношении коммуникация как средство познания политического мира есть и определенное мировидение. И здесь коммуникация не предполагает отрицание первичной реальности. Первичная реальность состоит в опыте когнитивных операций по отношению к реальности. Опыт несет «память», представленную в том числе политической культурой, логика которой тесно связана с логикой ментальности человека. Эта логика как смысл и есть «нить», соединяющая человека и политический мир. На нее и нанизываются будущие различения системой «своего» содержания в сообщениях окружающего мира. «Контекст» в этой связи есть не столько обозначение окружающего мира, сколько сущностное свойство, выделяющее характер респонденции человека с политическим миром, основанием которой является политическая культура. Новый смысл для нее как раз в появлении новых уровней адаптации, и привносится он «контекстом», диктующим, интегрирующим «правила» изменения политического порядка именно в процессе политической социализации.

Но чем мы познаем, в каких формах культура является основанием коммуникации как выражение «контекста» политической социализации? В духе теории Н. Лумана, система, как уже было сказано, различает себя в окружающем мире, так познавая мир. Поэтому средством познания являются когнитивные схемы отличий. Когнитивная схема, как считают исследователи, это когнитивная структура, внутри которой происходит интерпретация мира. Важной характеристикой схемы является то, что она допускают ранг возможностей. Схема является процедурным средством, которое человек использует, чтобы осуществить интерпретацию. Р. Андрад полагает, что когниция схемы предполагает прямой путь связывания культурных и психологических процессов [10, с. 107].

Когнитивные схемы выражены в знаках. Психические системы и социальные могут сообщаться посредством языка как процесса использования знаков, наполненных смыслом (то есть символизации). Этот процесс и переводит социальную комплексность, как механизм селекции информации, в психическую [10, с. 358]. Операционная функция когнитивных схем, выраженных символически, становится зависимой от процесса выделения информации из сообщения, что, по сути, и производит «контекст» как коммуникативное средство.

Под символическим коммуникативным средством, презентующим «контекст» политической социализации, можно понимать его разные структурные компоненты, соединяющие психику человека и общество как систему нормативных ограничений. В теории Н. Лумана, под коммуникативными средствами понимается код генерализированных символов, которые управляют процессом передачи результатов селекции, опосредующим динамику отношений человека и общества. Код упорядочивает процессы осмысления новых событий, присоединения новых когнитивных схем, образования новых коммуникативных компетенций. Код выполняет функцию катализатора времени, то есть он не соединяет, а «соорганизует» изменения в сознании человека и в обществе.

При этом теоретическом допущении ключевой особенностью символического «контекста» политической социализации именно молодежи является его нацеленность на выигрыш во времени. Иначе говоря, нацеленность на потенциальные когнитивные схемы, как схемы выделения человеком потенциального «своего» в структуре политического мира, того «своего», которое еще не состоялось как устойчивая когнитивная схема или компетенция в политическом сознании молодого человека. Они должны предоставлять шанс повысить вероятность возникновения невероятных политических коммуникаций, согласующих разнообразие появившихся представлений о смысле политического мира и его институтов. В этом есть мотив попадания в искомое начало пути, в заново сконструированное начало формирования политического мира, в новое понимание его смыслов. Мышление о будущем также предполагает развитие особой чувствительности к целому в его незримых измерениях [2, с. 104]. Особую ценность, пишет И.А. Герасимова, в мышлении о будущем приобретают способности дистанцироваться от наличного существования и создание в воображении картин будущего, особенность которых связана с психоментальным развитием. Искусство мыслить будущее – это искусство самопреображения [2, с. 109]. И здесь актуализируется особая способность, которая составляет актуальную для выживания-адаптации политического мира цель политической социализации молодежи, связанную с достижением системной рациональности. Как отмечают исследователи, рациональность системы означает способность дистанцироваться от своего собственного «средства наблюдения» и выдвигать предположения о будущем, о том, что случилось, если бы оно было иным. Здесь, пишет А.Ю. Антоновский, коммуникативная система словно ориентируется на иные коммуникативные миры и только поэтому может самокорректироваться [1, с. 74].

Таким образом, «опережение» времени включает способности человека и общества дистанцироваться от собственного средства «наблюдения» (компетенций, когнитивных схем) и выдвигать положения о том, что бы могло случиться, если бы это «средство» было бы другим, ориентируя на иную коммуникативность. Стратегия «опережения» времени подразумевает процессы, презентующие расширение смыслов социализации по сравнению с векторами эволюции политического мира, опору на «события» «памяти» политического мира и человека, снижающие монополию той или иной трактовки целей социальной и политической реальности. Символизация этих «событий» составляет потенциал для времени «опережения» динамики политических коммуникаций.

При этом «контекст» политической социализации в виде кода коммуникации может состоять из множества символизаций. Их соединять, выступая двигателем, может мифологическая конструкция будущего политического мира. Множество символизаций должно включать в себя символизацию (в том числе событийности), определяющую смысл выхода за пределы имеющихся «средств» конструирования мира. Она должна быть направлена на поддержку аутопойезиса потенциально возможных политических миров, преодоление тех или иных процедур мышления, расширяя границы смыслов гражданской природы человека. Становление гражданской позиции молодежи – это процесс формирования граждан, в сознании которых ведущую роль должны играть смыслы гражданственности как потенциальной социальности. Можно ли при

этом вовсе не использовать в качестве оснований конструирования потенциальной гражданственности политическую культуру прошлого? Наверное, нельзя. Но при этом в «контексте», то есть новой коммуникативно-исторической ситуации, сопряженной с новыми символами эпохи, политическая культура как базис социализации уже будет иметь другие вид и направленность, порой неузнаваемые, выполняя потребности адаптации политического мира в текущей событийности, коммуникативной ситуации. Иначе говоря, источником знания о политическом мире является коммуникативный «контекст» как модус респонденции со структурой политического мира, сквозь который человек и познает политический мир, накладывающий новый смысл на традиционные основания политического мира и его культуры. «Контекст» не является абсолютно не внешним по отношению к процессу политической социализации, он формируется посредством традиционных норм политической культуры, которым придается новое измерение смысла в свете важности ее новых компетенций в обществе, окружающем мире.

В целом политическая социализация молодежи – это процесс познания политического мира и его культуры через дух и содержание «контекста». Он есть коммуникация, выраженная через символы, «соорганизующая» сознание молодежи и потенциальный политический мир. Это познание через коммуникацию не только с еще не существующим, но потенциально возможным, воображаемым политическим миром, но и с потенциально возможными компетенциями политического сознания молодого человека. Политическая социализация есть и процесс создания молодым человеком «своей» потенциальной когнитивной схемы редукции смыслов политического мира, его назревших приоритетов.

Библиографический список

1. *Антоновский А.Ю.* Коммуникативная рациональность – внешняя и внутренняя // Эпистемология & Философия науки. – 2008. – Т. XVII. – № 3. – С. 71–77.

2. *Герасимова И.А.* Искусство мыслить будущее // Эпистемология & Философия науки. – 2010. – Т. XXIII. – № 1. – С. 98–111.

3. *Головин Н.А.* Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2004. – 208 с.

4. *Доган М., Пеласси Д.* Сравнительная политическая социология. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1994. – 394 с.

5. *Касавин И.Т.* Критерии знания: собственно эпистемологические или социальные? // Эпистемология: перспективы развития. – М.: Канон-Пресс, 2012. – С. 50–61.

6. *Nunner-Winkler G.* Enttraditionalisierungen bei Jugendlichen? // Heitmeyer W., Jacobi J. Politische Socialisation und Individualisierung. – Weinheim, Munchen, 1991. – S. 57–77.

7. *Луман Н.* Введение в системную теорию. – М.: Логос, 2007. – 360 с.

8. *Луман Н.* Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004. – 231 с.

9. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007. – 641 с.

10. *Филатова А.А.* Когнитивные формы культуры. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. – С. 107.

11. *Шестопал Е.Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х. – М.: РОССПЭН, 2000. – 431 с.

12. *Щербинин А.И.* Политическое образование как фактор политического процесса: автореф. дис. … д-ра полит. наук. – М.: Моск. гос. ун-т, 2000. – 52 с.